

Г. Н. К А Р А Е В

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Г. Н. К А Р А Е В

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО КИТАЯ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1959

В книге «Военное искусство древнего Китая» автор на основе новых археологических и других источников рассказывает о том, как зародилось и развивалось самобытное и передовое для того времени военное искусство народов древнего Китая, разбирает труды великих основоположников военного искусства древнего Китая — Сунь-цзы, У-цзы и других виднейших полководцев и военных теоретиков прошлого.

Книга рассчитана на офицеров, генералов и читателей, интересующихся историей развития военного искусства.

*Нашему брату и другу —
великому китайскому народу —
я посвящаю мой труд.*

А в т о р

ВВЕДЕНИЕ

Одним из крупнейших событий нашей современности после победоносного завершения советским народом Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. явилась победа китайского народа над эксплуататорскими классами и создание им подлинно народного государства — Китайской Народной Республики.

На протяжении тысячелетий китайский народ угнетали и грабили китайские феодалы-помещики и императорские чиновники, а позднее «цивилизованные» колонизаторы всех мастей. Китайский писатель Лу Синь, которого Мао Цзэ-дун назвал кормчим культурной революции в Китае, в одном из своих рассказов, названном «Дневник сумасшедшего», пишет: «...Я раскрыл книгу по истории, но в книге отсутствовали хронологические даты, а каждая страница была испещрена словами: «гуманность», «справедливость», «мораль» и «добродетель». Так как я все равно не мог заснуть, то глубоко за полночь внимательно читал и вдруг между строками рассмотрел, что вся книга написана одним словом: «людоедство»¹. Эти времена ушли в прошлое навсегда. Великий китайский народ выступает теперь как хозяин своей прекрасной страны, раскрывая все новые и новые возможности экономического и культурного развития своей родины, превращая ее в одно из передовых социалистических государств нашего времени.

Только теперь, когда вековые колониальные и полуколониальные режимы для народов Азии рушатся и отходят в прошлое, создаются благоприятные условия для восстановления и действительного развития их культур. Ведь именно в Азии возникли древнейшие

¹ Лу Синь. Избранное. М., 1956, стр. 40.

очаги передовой человеческой культуры: в южной части азиатского материка зародилась и расцвела замечательная культура талантливого индийского народа; на востоке Азии, в бассейнах Хуанхэ и Янцзыцзяна, сложилась прекрасная, глубоко народная культура великого китайского народа; на западе, в районе, омываемом Средиземным и Черным морями и Персидским заливом, создали свои высокие культуры хетты и урартцы, мидяне и ассирийцы, вавилоняне и финикийцы. К ним примыкали на северо-востоке Африки древние египтяне с их изумительными памятниками архитектуры и самой древней на земле письменностью.

Сотни лет угнетаемые народы Азии были разобщены, а их культурные связи прерваны. Это целиком относится и к китайскому народу.

Китайцев и русских связывают узы давней дружбы. Еще в IX веке арабский писатель Ибн-Хардабех писал: «Путь купцов из земли славян лежит на Итиль (столица Хазарского каганата в низовьях Волги — Г. К.), и далее на Джурджан (так называлось Каспийское море. — Г. К.), и затем на Балх, Мавераннахр и Син» (то есть Китай — Г. К.). Большой интерес представляет также то обстоятельство, что, когда венецианец Марко Поло прибыл во второй половине XIII века в Пекин, в окрестностях города уже были небольшие поселения русских. Населяли их рыбаки, охотники и разного рода кустари. Таким образом, уже в те отдаленные времена оба народа находили возможности для общения друг с другом.

История не сохранила каких-либо документальных свидетельств о связях между русским и китайским народами в период XIII—XIV веков, а между тем именно в это время оба они подверглись нашествию монголов и одновременно боролись против завоевателей. Тогда не могло быть и речи о согласованных действиях двух народов, отделенных один от другого огромными пространствами, но оба народа горячо любили свою родину, вступили в борьбу с захватчиками и, не зная того, помогали один другому, нанося врагу удар за ударом, ослабляя и расшатывая созданную Чингис-ханом мировую империю. В 1368 году китайцы освободились из-под ига завоевателей, а через двенадцать лет, в 1380 году, русские разгромили на Кули-

ковом поле 250-тысячное войско хана Мамай. Лишь намного позднее, оглядываясь на эти далекие события, смогли оба народа в должной мере оценить все значение той помощи, которую они оказали друг другу в тяжелой и продолжительной борьбе против общего врага.

Может быть, именно это обстоятельство, а вернее, отдаленный отзвук его в Москве и Пекине, явился одной из причин того взаимного благожелательства, которым характеризовались в последующие столетия отношения между Китаем и Московским государством.

На рубеже XIX и XX веков реакционное правительство царской России омрачило вековые добрососедские отношения с Китаем. Следуя колонизаторским тенденциям империалистических кругов Западной Европы и Америки, оно с помощью вооруженной силы стремилось проникнуть в Китай, навязать ему неравноправные грабительские договоры.

События революции 1905 года с особенной силой показали, однако, что, кроме России реакционной, поддерживающей царизм и проводящей в жизнь его антинародную политику, существует Россия прогрессивная. Это была Россия, объединявшая широкие эксплуатируемые массы рабочих и крестьян, передовую русскую интеллигенцию и выдвинувшая своих лучших сынов и дочерей на самоотверженную борьбу против гнета эксплуататоров.

Эта Россия никогда не меняла своих симпатий к китайскому народу. Вопреки реакционной политике правящих кругов, русский народ, прогрессивная часть его интеллигенции даже в черные дни торжества реакции боролись против дискриминации в отношении китайского народа, радовались его успехам в борьбе за освобождение. В 1911 году, когда китайский народ сверг маньчжурскую династию и совершил в стране буржуазную революцию, А. М. Горький писал: «Мы — братья по духу, товарищи по намерениям...»

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, приведшая к созданию первого в мире Советского государства, и великая победа китайского народа, завершившаяся в 1949 году провозглашением Китайской Народной Республики, взаимная помощь, оказанная в трудные дни обоими народами, сломали

рогатки, которые стремились воздвигнуть между ними реакционные силы, и открыли им новые, невиданные ранее широкие пути для вечной дружбы и братского союза.

Нам, советским людям, необходимо знать героическое прошлое китайского народа.

К числу недостаточно разработанных вопросов истории китайского народа относится и военное искусство древнего Китая. Восполнить этот пробел, раскрыть, насколько позволяют имеющиеся в распоряжении автора источники, замечательное военно-историческое прошлое великого китайского народа и ознакомить с этим прошлым советского читателя является основной задачей настоящего труда. С этой целью в данный труд включены сведения о возникновении и развитии военного искусства в Китае с древнейших времен до создания там первой в мире теории военного искусства включительно (Сунь-цзы). Настоящий труд представляет собой, таким образом, исследование военного искусства одного из древнейших народов земного шара — китайского народа, являвшегося уже тогда, на заре человечества, носителем высокой культуры и передового военного искусства в Восточной Азии.

Поскольку главное внимание в труде уделено истории развития военного искусства в условиях рабовладельческого строя (от его возникновения до четвертого века до н. э. вкл.), то и весь труд в целом может рассматриваться как исследование военного искусства древнего Китая в период господства в нем рабовладельческого строя.

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность академику Н. И. Конраду и старшим научным сотрудникам Института востоковедения Академии наук СССР О. П. Петровой, В. С. Колоколову и Б. И. Панкратову за содействие, оказанное мне в моей работе советами и консультациями.

Г Л А В А I

САМОБЫТНЫЙ ХАРАКТЕР КУЛЬТУРЫ И ВОЕННОГО ИСКУССТВА ДРЕВНЕГО КИТАЯ

В те отдаленные от нас многими тысячелетиями времена, когда в бассейне р. Хуанхэ стали расселяться предки китайского народа, человечество еще переживало каменный век, а в своих общественных отношениях не вышло из рамок первобытнообщинного строя.

Плодородие долины р. Хуанхэ явилось одной из причин того, что поселившиеся в ней скотоводческие племена стали здесь раньше, чем в большинстве других районов Азии, переходить к оседлому образу жизни. Большое значение в этом «привязывании» людей к постоянному месту жительства имело возникновение у них навыков обрабатывать землю и строить жилище.

Группы населения, которые переходили к оседлости раньше, опережали в своем культурном развитии тех, кто еще продолжал вести кочевой или полукочевой образ жизни. Вследствие этого культурное развитие предков китайского народа времен раннего неолита проходило неравномерно на всей территории древнего Китая и интенсивнее всего в районах оседлости. Там же, естественно, на почве развития имущественного неравенства между людьми раньше, чем в других местах, стали складываться условия для возникновения классов, а следовательно, и для создания самых первоначальных форм государственного устройства.

Таким образом, бассейн р. Хуанхэ с глубокой древности стал тем передовым экономически культурным очагом в Восточной Азии, население которого постепенно все больше опережало в общественном, полити-

ческом и культурном отношении своих соседей на севере и на юге.

Это оказало очень большое, можно сказать, решающее влияние на развитие военного искусства в древнем Китае. Если проанализировать весь ход развития военного искусства у предков китайского народа в бассейне р. Хуанхэ, то первое, что бросается в глаза, — это его самобытное развитие и отличие от тех форм и приемов ведения войны и боя, которые сложились у степных и лесных соседей.

У кочевых племен, истари населявших широкий пояс степей, граничивший с бассейном р. Хуанхэ с севера и северо-запада, с незапамятных времен выработалась гибкая тактика подвижных конных масс, характерными чертами которой являлись широкий маневр своими силами для достижения внезапности нападения на противника, стремительные набеги на оседлые поселения и столь же быстрые отходы в глубь своих степей с захваченным имуществом и пленными. В случае встречи с сильным противником кочевники обычно избегали решительного сражения, старались завлечь врага подальше в степь, изматывали его постоянными набегами и наносили ему поражение после того, как он истощал свои силы.

Древнекитайский историк Сыма Цянь (Цзы Чжан) в своем труде «Ши-цзи» («Исторические записки») рисует яркую картину образа жизни таких племен. В главе 110 он пишет, что племена «перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. Не имеют ни городов, ни оседлости, ни земледелия... Письма нет, а законы словесно объявляются. Мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука птишек и зверьков; а несколько подростков, стреляет лисиц и зайцев и употребляет их в пищу. Могущие владеть луком, все поступают в латную конницу. Во время приволья, по обыкновению следуя за скотом, занимаются полевой охотой и тем пропитываются; а в крайности каждый занимается воинскими упражнениями, чтобы производить набеги. Таковы суть врожденные их свойства. Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копье. При удаче идут вперед; при неудаче отступают, и бегство не поставляют в стыд себе. Где видят ко-

рысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают...»

Такой образ жизни и такое военное искусство были характерны для кочевых племен, живших на широких степных пространствах Европы и Азии от Причерноморья до Монголии.

Совершенно иные формы приобрело военное искусство у южных соседей древнего Китая, населявших преимущественно тропические лесные области, расположенные ныне в южной части Китайской Народной Республики и в Юго-Восточной Азии.

Обитавшие в этих районах племена еще не знали скотоводства и тем более не были знакомы с земледелием. Их основным занятием являлась охота и отчасти рыбная ловля. Географические условия и низкий уровень общественно-экономического развития наложили свой отпечаток как на образ жизни этих племен, так и на их военное искусство. Это было типичное для лесных охотничьих племен военное искусство. Оно опиралось на опыт борьбы с сильными зверями, а также на те возможности, которые давало использование охотничьего оружия, в первую очередь копья, а позднее и лука.

Военное искусство южных племен сводилось преимущественно к действиям сравнительно небольших отрядов, не имевших еще внутренней военной организации и не знавших боевых порядков. Совершенно естественно, что в тактике этих отрядов большое место занимали такие приемы борьбы, как засады для внезапного нападения на противника, окружение врага в лесу и поражение его с разных сторон стрелами и дротиками из укрытий и другие способы ведения боя, имеющие сходство с охотой на крупного зверя.

Иными путями развивалось военное искусство у древних предков китайского народа, обосновавшихся в бассейне р. Хуанхэ. Оно развивалось у них в основном как военное искусство племен, перешедших к оседлости, к земледелию. Ведущим началом этого молодого военного искусства явилась тактика пехоты с очень рано выработанными внутренней организацией и боевыми порядками. Весьма вероятно, что раннее возникновение отрядов организованного войска

в древнем Китае было связано с необходимостью защищать свои оседлые поселения от набегов кочевых племен, а также вызывалось внутренними военными столкновениями, которыми сопровождались постоянные попытки представителей нарождавшейся правящей верхушки захватить власть.

Нельзя, однако, сказать, что древнекитайское военное искусство, развитие которого шло в основном своим, самобытным, путем, ничего не заимствовало у соседних кочевых и лесных охотничьих племен. Если проследить внимательно развитие военного искусства древнего Китая, можно отчетливо увидеть, что на самых первых этапах оно носит на себе следы приемов ведения боя кочевых племен (например, боевое использование громоздких повозок в качестве прикрытия) и в то же время для него характерен ряд тактических форм, свойственных главным образом лесным охотничьим племенам (например, засады). Отсутствие необходимых археологических материалов является причиной того, что ученые имеют в настоящее время весьма ограниченные сведения о военном искусстве предков китайского народа периода неолита и тем более палеолита. Что же касается китайского военного искусства более позднего времени, особенно начиная с появления бронзы, то тут мы имеем полное основание утверждать, что по мере его развития и обогащения все более совершенным вооружением и более высокими формами тактики, а позднее и стратегии оно постепенно начало все отчетливее приобретать самостоятельный характер, становясь наиболее передовым, ведущим военным искусством в Восточной и Центральной Азии. Это особенно важно отметить потому, что соседи древнего Китая, о которых говорилось выше, продолжали в это время вести в основном прежний образ жизни и, следовательно, все больше отставали от него в своем общественно-политическом и хозяйственном устройстве.

Изучение дошедших до нас древних летописных источников и в особенности результаты обширных археологических изысканий, произведенных после создания Китайской Народной Республики, подтверждают высказанные выше положения о самобытном развитии древнекитайского военного искусства.

Следует, однако, иметь в виду, что древние исторические книги Китая требуют к себе критического отношения.

Чтобы не впасть в ошибку при рассмотрении изложенных в китайских летописных источниках событий, необходимо учитывать, что имена упоминаемых в них первых правителей Китая в значительной мере легендарны. Они овеяны ореолом славы, мудрости и самых высоких добродетелей. Им и их сподвижникам приписывают китайцы почти все крупные изобретения и культурные достижения своего народа. Это находится в тесной связи с распространенным с древнейших времен в Китае культом предков. Относя к высокой мудрости первых правителей своего народа все важнейшие открытия и изобретения, воздавая им хвалу за их добродетели, китайский народ не только выражал им свое уважение и любовь, но верил, что и в дальнейшем духи этих могущественных предков будут оберегать его благополучие.

Изложенные в летописях факты нередко переплетаются с вымыслом явно сказочного характера, а также с событиями, которые относятся к гораздо более поздним временам и находятся в явном противоречии с общественно-политическими и хозяйственными условиями той эпохи, которой они приписываются.

К этому так называемому легендарному периоду китайские предания относят годы правления Фуси (2953—2837 гг. до н. э.), Хуан-ди (2698—2597 гг. до н. э.), Яо (2357—2255 гг. до н. э.) и династии Ся (2205—1766 гг. до н. э.), то есть в общей сложности около 1200 лет.

Буржуазные историки даже в начале XX века, а в ряде случаев и позднее в большинстве своем относились свысока к китайскому народу. «Древнейшие повествования или дошедшие до нас остатки преданий прямо-таки глупы, — заявлял английский историк Э. Паркер. — ... Я не буду обременять моих читателей и избавлю их даже от необходимости читать хотя бы общие выводы, касающиеся этого периода китайской истории, который я обойду совершенно»¹. И это гово-

---

¹ Э. Паркер. Китай, его история, политика и торговля с древнейших времен до наших дней. СПб, 1903, стр. 27.

рилось о замечательных летописных преданиях великого народа, который на протяжении тысячелетий стоял на аванпостах человеческой культуры!

В наши дни дискриминация китайского народа со стороны реакционных буржуазных историков и публицистов приняла завуалированные формы. Наиболее распространенной из них является тенденциозное замалчивание или явное преуменьшение той роли, которую сыграл древний Китай в развитии человеческой культуры. Так, например, в своем интересном фундаментальном исследовании «Наука в истории общества» известный английский ученый и общественный деятель Дж. Д. Бернал, излагая вопрос о взаимоотношениях между развитием науки и техники, с одной стороны, и развитием общества — с другой, ничего не говорит о древнем Китае, если не считать нескольких попутных упоминаний. Оставив в тени неолит и бронзовый век древнего Китая, он отказывается и от рассмотрения того, как складывалась в нем наука, когда китайский народ открыл способы обработки железной руды. «Цивилизации Индии и Китая, — пишет Дж. Бернал, — должны были внести большой вклад в общую культуру, в особенности в математику, физику и химию, и в такие основанные на них изобретения, как компас, порох и книгопечатание. Однако вклад этот вошел в традицию науки и техники только после того, как главные его очертания уже определились в его эллинистической форме»¹. Из сказанного явствует, что великие изобретения китайского народа приобрели свое значение только с того момента, когда ими воспользовались европейцы, а вся многовековая история развития науки и техники в Китае и Индии, предшествовавшая этому, не имеет научного значения.

Такая антинаучная дискриминация в отношении азиатских народов, и в частности в отношении китайского народа, становится особенно нетерпимой в свете тех больших достижений в изучении древнейшего прошлого Китая, которых добились китайские и советские исследователи. Интереснейшие результаты этих исследований, опирающиеся на самую передовую

---

¹ Дж. Бернал. Наука в истории общества. М., 1956, стр. 88.

науку о развитии общества — на марксистско-ленинскую теорию, — со всей наглядностью показывают, что в настоящее время ни одно серьезное исследование о закономерностях развития человеческого общества, его науки и культуры не может быть признано достаточно полным, если в нем так или иначе обходятся научные завоевания великого китайского народа.

Что же касается древнекитайских летописных источников, о которых мы говорили выше, если внимательно проанализировать охватываемые ими вопросы, а также сопоставить их с результатами археологических изысканий, в них можно почерпнуть многое, что позволяет лучше понять историю китайского народа, в частности почерпнуть новые сведения о начальном периоде развития его военного искусства.

Если мы откажемся от противоречащего новейшим результатам археологических изысканий в Китайской Народной Республике представления о Китае времен третьего тысячелетия до н. э. как о сложившемся уже государстве, имеющем императора, чиновников, армию и т. д., если мы не будем приурочивать культурные и экономические достижения китайского народа к тем или иным легендарным или полуисторическим личностям, мы можем и должны признать, что первая половина третьего тысячелетия до н. э. и даже период несколько более ранний были для китайского народа временем великих культурных открытий. Именно к этому периоду относятся, по-видимому, такие достижения, как изобретение способа добывания огня (Суйжень), освоение способов постройки жилищ (Ючао), изготовление сетей для ловли рыбы и приручение животных (Фуси), начало обработки земли (Шэньнун), освоение шелководства (жена Хуан-ди), строительство первых плотин (сестра Фуси Нюйгуа) и т. д.

Этот далеко не полный перечень первых открытий позволяет, тем не менее, сделать вывод, что они относятся к тому далекому периоду жизни и деятельности предков китайского народа, когда те еще только переходили к оседлому образу жизни. Вместе с тем такие данные, как развитие шелководства, строительство плотин, прокладывание дорог и в особенности указания на факты астрономических наблюдений, которые не могли быть произведены без необходимых инстру-

Ментов, свидетельствуют об уже имевшемся к этому времени у китайцев значительном объеме знаний.

Это кажущееся на первый взгляд противоречие исчезает, если принять упоминавшуюся выше исторически наиболее вероятную предпосылку о том, что переход к оседлой жизни и земледелию у предков китайского народа начался задолго до того времени, о котором повествуют предания, вероятно еще в четвертом тысячелетии до н. э., и занял, следовательно, длительный период времени, охватывающий ряд столетий.

Возможно, что этому способствовали местные племена, населявшие ранее, в период палеолита, бассейн р. Хуанхэ, следы которых обнаружены при археологических раскопках в Чжоукоутянь, близ Пекина, в Шуйдунгоу (Нинся) и в других местах. Заселяя естественные и искусственные пещеры, занимаясь охотой и рыбной ловлей, эти древнейшие обитатели долины р. Хуанхэ не могли не оказать своего влияния на расселявшиеся в районе реки племена, независимо от того, сопровождалось ли продвижение последних в бассейне Хуанхэ столкновениями с ними или проходило в условиях постепенной мирной ассимиляции.

Эту мысль подтверждает и тот факт, что наследниками чжоукоутяньско-шуйдунгоуской культуры явились во времена неолита племена ся и шан, прямые предки китайского народа.

Если подойти к исследованию древнейшего прошлого китайского народа с этих позиций, то и легендарные личности этого периода (Фуси, Хуан-ди, Яо и другие) окажутся более близкими к исторической правде, чем это принято считать. Можно полагать, что они были одними из первооснователей тех начальных общественных организаций возникавшего в китайском народе классового общества, которые являлись одновременно зачатками китайской государственности.

Насколько можно судить по летописным источникам, а главное — по результатам археологических изысканий, предки китайского народа с незапамятных времен находились в довольно тесной связи с кочевыми племенами, обитавшими к северу и к западу от бассейна р. Хуанхэ, с горскими племенами Тибета и